

V.A. Drabenko, A.V. Novikov

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT: MODERNIZATION APPROACH

Vadim Drabenko – senior lecturer, the Department of Management, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Doctor of Engineering, PhD in Economics, professor, Gatchina; **e-mail: drv@rshu.ru**.

Andrey Novikov – senior lecturer, the Department of Economic Theory and Economic Policy, St. Petersburg State University, PhD in Economics, St. Petersburg; **e-mail: a-novikov08@mail.ru**.

Modernization is a complicated and controversial process of socio-economic development currently being one of the most significant and widely discussed phenomena. We look at modernization as a special form of social development consisting in the process of social and economic transformations. Herewith there is certain dependence on established factors characterizing economic activity of the society in question.

We research the factors affecting economic development and analyze their dependence on the institutional environment of the society. We substantiate Russia-specific modernization model the foundations of which were influenced by various geopolitical, natural and climate conditions during the whole period of the development of the state and society.

Keywords: *modernization echelon; social and economic transformations; ways of modernization; possibilities of reforming Russian economy.*

В.А. Драбенко, А.В. Новиков

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД

Вадим Анатольевич Драбенко – доцент кафедры менеджмента, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, доктор технических наук, кандидат экономических наук, профессор, г. Гатчина; **e-mail: drv@rshu.ru**.

Андрей Владимирович Новиков – доцент кафедры экономической теории и экономической политики ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», кандидат экономических наук, г. Санкт-Петербург; **e-mail: a-novikov08@mail.ru**.

Модернизация представляет собой сложный, противоречивый процесс социально-экономического развития, являющийся в настоящее время одним из наиболее значительных и обсуждаемых явлений. Авторы рассматривают модернизацию как особую форму развития общества, представляющую собой процесс социально-экономических преобразований. При этом существует зависимость от факторов, характеризующих специфику хозяйственной деятельности данного общества и сложившихся на протяжении длительного времени.

Исследуются факторы, влияющие на экономическое развитие, анализируется их зависимость от институциональной среды общества. Обосновывается специфическая для России модернизационная модель, основы которой сложились под влиянием множества геополитических и природно-климатических условий в течение всего периода становления и развития государства и общества.

Ключевые слова: *этапы модернизации; социально-экономические преобразования; пути проведения модернизации; возможности реформирования российской экономики.*

Каждый народ обладает собственным историческим опытом хозяйствования, на основе которого вырабатывает модель экономического развития, наиболее соот-

ветствующую историческим, географическим, и другим факторам своего существования. В то же время ограниченные, в силу внешних или внутренних причин, в

экономических возможностях народы и государства могут попасть в подчинение к более сильным экономикам, теряя не только экономическое, но и политическое, и культурное своеобразие.

Такое подчинение часто оправдывается естественным процессом развития, или необходимостью модернизации.

В общем случае под модернизацией понимаются разновременные более или менее крупные комплексы нововведений, являющиеся фазами развития человеческих общностей, проводимые с различной скоростью и с более или менее успешными результатами.

На основании такого определения модернизации строятся теории «эшелонов модернизации», в основе которой лежит разделение всех стран на группы, место в которых определяется степенью «продвинутости» и временем вступления на путь преобразований (или путь капиталистического развития), одинаковый, по мнению авторов, опирающихся на формационную теорию развития, для всех народов [6. С. 128].

К первому эшелону принадлежит большинство государств Северо-Западной Европы и Северной Америки. Их отличительная черта – постепенное развитие, сопровождающееся становлением капиталистических отношений, предваряемых появлением экономических, социальных и культурных предпосылок, в том числе формированием третьего сословия, и поддерживаемое тем, что М. Вебер назвал «капиталистическим духом», а В. Зомбарт – «хозяйственным духом». В этих государствах равномерно развивались, дополняя друг друга, экономика, политика, духовная сфера, повседневная жизнь. Их особенность – в ориентации личности на поиск нового, на проявление индивидуальной инициативы [12. С. 71].

Страны второго эшелона (Россия, Турция, Япония) вступили в модернизационный процесс в XVIII – середине XIX века. Это страны, вынужденные принять «условия игры», побуждаемые к модернизации внешней угрозой. Модернизация в странах второго эшелона – процесс, не навязанный извне, но проходивший в ус-

ловиях независимого государственного развития. Особенности стран второго эшелона – недостаточное развитие экономических и социальных сфер, а также решающая роль государства в осуществлении модернизационных преобразований, которые побуждались необходимостью догнать наиболее экономически развитые государства. Отсюда возникал форсированный характер реформ, порождавший диспропорции и социальные конфликты.

Третий эшелон – страны, которые находились на положении колоний или полукolonий стран Запада. Модернизация проводилась в них насильственно. Собственно теория модернизации и была предназначена для «внешнего употребления»: для стран третьего эшелона, в том числе тех, кто активно освобождался от колониальной зависимости. Теория включала концепции «зависимого развития», «структурной зависимости», «технологической зависимости» и «периферийного капитализма». Переход стран третьего эшелона должны были обеспечивать страны первого эшелона, которые выступали в качестве «прогрессоров», «культуртрегеров» и «благодетелей» [8].

В высказываниях одного из ведущих теоретиков модернизации Ш. Эйзенштадта прослеживается точка зрения о порождении модернизации эволюцией западноевропейской цивилизации: «Модернизацию <...> следует рассматривать как специфический тип цивилизации, который берет происхождение в Европе и который распространяется в своих экономических, политических и идеологических аспектах по всему миру, охватывая его почти целиком, особенно после Второй мировой войны» [6. С. 21]. Благодаря модернизационному процессу западноевропейской цивилизации удалось занять лидирующее положение в мире и навязывать свою модель развития другим, неевропейским цивилизациям.

И. Герасимов относит модернизацию по западному образцу к «технократической» концепции, появившейся в Европе в середине XX века. Согласно этой концепции, модернизация в странах «третьего мира» это процесс либерализации нацио-

нальных экономик, политических систем, усвоение западного образа жизни [2. С. 69].

Ряд представителей теории модернизации выделяют благоприятные и неблагоприятные факторы, влияющие на ведение модернизационных преобразований в странах как второго, так и третьего эшелона, утверждая, что в ходе модернизации для её успешности необходимо устранить неблагоприятные факторы. К таковым относят ментальность, традиционность сознания, отсутствие стремления к рационализации деятельности.

Поэтому ряд учёных (например, Ш. Эйзенштадт) полагают, что «развитие нового культурного стереотипа» образует «сердцевину» всего модернизационного процесса, а главным в этом процессе является изменение традиционных социально-экономических институтов. Из этого следует точка зрения на модернизацию как на рационализацию образа поведения при полном отказе от традиционных норм поведения и изменение типа общности людей [2. С. 70].

Такое изменение сознания с точки зрения «модернизаторов» должно привести к созданию и функционированию новых социально-экономических, политических и культурных институтов и отношений, которые будут соответствовать западным нормам поведения, основывающимся на римском праве и западном христианстве. Однако необходимо иметь в виду, что народ, забывший свои традиции и изменивший свой национальный характер в результате внешних модернизационных воздействий, обречён на исчезновение, растворится, потеряв свою индивидуальность. Таких примеров существует множество не только в мире в целом, но и в Западной Европе.

Разумеется, каждой стране необходимо осуществлять модернизационные процессы. Об этом свидетельствует исторический опыт. Но пути осуществления модернизации в разных странах, в связи со спецификой национальных особенностей, различаются.

Превосходящая по экономическим показателям и вооружению страна может

полностью подчинить себе традиционное общество и провести в нём принудительную модернизацию, то есть колонизацию. Если данное традиционное общество достаточно сильно, то преобразования будут осуществлены другими способами.

Традиционное общество могло выбрать «самоконсервацию при помощи изоляционизма», что вызывалось «инстинктом самосохранения». В качестве примера можно привести российское общество до конца XVII века, Китай – до середины XIX века или Японию – до конца XIX века. Однако такая самоконсервация не могла продолжаться бесконечно, и при дальнейшей агрессии западной цивилизации традиционное общество по необходимости проводило модернизацию, выбирая приемлемый или доступный для себя путь.

В настоящее время наиболее известными и обсуждаемыми путями, или моделями, модернизации выступают модель вестернизации и модель догоняющей модернизации [9. С. 181].

События середины XX века показали правомочность введения еще одной модели – «постмодернизации», то есть модернизации, основанной на собственных традициях. Построение современного, но индивидуального для каждой страны общества (или общества всеобщего благосостояния), следует проводить с опорой на характерные черты национального характера.

В России характерные черты такой модели проявляются с начала XVI века. В предшествующий период российское государство, общество и экономика развивались по своему собственному пути, в соответствии с географическими, природно-климатическими и геополитическими условиями, а также ментальностью, вырабатывая и формируя соответствующие социально-экономические институты. Таттаро-монгольское иго, продлившееся более двух веков, не могло не внести свои коррективы в эти процессы. Но со временем на Россию всё больше стала оказывать воздействие, связанное с процессами модернизации, западная цивилизация. Если ранее Россия (Русь), вооружённая при-

мерно также, как и противники, отражала угрозы западной экспансии, то с началом в Западной Европе технической революции, которая «не проявляет до сих пор никаких признаков спада» [11. С. 52], равновесие сил стало нарушаться. Результаты Ливонской войны, польского и шведского нашествий показали несовершенство социально-политических и экономических институтов России с точки зрения противостояния политико-экономической машине Запада.

В ответ на западные акты агрессии при каждом шаге Западной Европы вперед в приращении своей технической и военной мощи России с XVII века пришлось перенимать западную технологию того времени во имя сохранения собственной независимости, усваивая при этом и некоторые элементы западного образа жизни, неотделимые от использования западных технологий [1. С. 105]. То есть «секрет зависимости России от развития Западной Европы как раз и состоит в <...> её государственной независимости. Чем больше Россия хотела укрепить свою независимость и государственность, тем больше она была вынуждена считаться с логикой развития Запада <...> Политическая, государственная независимость России оказывалась основой ее зависимости от Западной Европы, со временем все более и более жесткой» [6. С. 24–28].

Модернизацию описанного типа также объясняет и А. Дж. Тойнби, рассматривая взаимоотношения России и Запада с точки зрения столкновения цивилизаций – западной и византийской, к которой Тойнби относит и Россию: «Почти 1000 лет русские принадлежали не к западной цивилизации, но к византийской – сестринскому обществу того же греко-римского происхождения, но тем не менее совершенно другой цивилизации. Российские члены византийской семьи всегда резко противились любой угрозе попасть под влияние Западного мира и продолжают противиться по сей день. Чтобы обезопасить себя от завоевания и насильственной ассимиляции со стороны Запада, они постоянно заставляют себя овладевать достижениями западной технологии <...>

Чтобы спастись от опасности принудительной и полной вестернизации, они предпочитают перенимать у Запада кое-что выборочно <...>» [11. С. 106].

Именно «общая созерцательность народа, обращённость к духовным, религиозным ориентирам», по мнению А. Дугина [3. С. 34], были причиной отставания России от технологической материальной базы Запада, и для того, чтобы заставить народ развиваться в этом довольно прикладном и материальном направлении, приходилось прибегать к насильственным средствам, то есть вводить реформы «сверху», поскольку, начиная с конца XVII века, потребность в реформах, обусловленная внешним воздействием, складывалась в России раньше, чем страна созревала для перемен [4. С. 35]. Под «страной» здесь надо понимать «народ», интересы которого не всегда совпадают с интересами государства, или который может начать понимать общность своих интересов с государством априори.

Поэтому если на Западе «самодвижущая» сила модернизации – предпринимательский класс, целью которого является рост наживы, то в России движущая сила «имперской» модернизации – мощь государства, цель которого – выжить в условиях военной и экономической агрессии соседей, для чего необходимо в первую очередь создание мощной армии, оснащенной современным вооружением. Для осуществления модернизационных мероприятий требовалось проведение определенных институциональных изменений [7. С. 120].

Можно выделить два пути таких изменений.

Первый путь предполагает осуществление преобразований «снизу», то есть под воздействием естественных изменений социально-экономической системы. Эти процессы могут проходить как мирным путём, так и под воздействием народных выступлений. В качестве примера можно привести религиозные реформаторские войны в Европе XIV–XVII веков. Власти при этом обычно изначально препятствуют изменениям, но затем легитимизируют новые институты и способст-

вуют их распространению.

Второй путь – это путь «сверху». Его можно назвать «внедренческий». Он предполагает главенствующую роль власти. Преобразование или формирование новых институтов производится декретированием на основе решений, принятых органами государственной власти [5. С. 40]. При этом институциональные нововведения опережают изменения в сознании людей и остаются непонятыми основной массой населения. Таким путём идут государства, вынужденные быстро проводить модернизационные изменения.

Имперская модернизация, осуществляясь посредством проведения реформ либерально настроенной частью правящего класса, не затрагивала всей массы народа, происходил «социокультурный раскол общества», нация разделялась на две части, плохо понимающие в результате друг друга, что влекло социально-экономические и вслед за ними политические столкновения и взрывы. Происходила «потеря взаимопонимания двух слоев общества, один из которых связан с народной почвой, другой – с оторванным от почвы стремлением к новому» [10. С. 348]. Таким образом, особенности российского процесса модернизации обуславливают закономерности этапов реформирования, прослеживающиеся в российской истории, начиная с конца XV века.

Современной России также как и в предыдущие времена необходима модернизация экономики и выбор модернизационной модели, соответствующей логике социально-экономического разворота России с учётом развития мировых глобализационных процессов.

Некритическое заимствование институтов и отказ от защиты национальных интересов никогда не был и не мог быть продуктивным в истории экономического развития России. Отсюда следует вывод о необходимости в современной России модернизации на основе здорового экономического национализма и приоритета традиционных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтунян А.Г. Приоритеты монетар-

ной политики в контексте национальных интересов // Вестник СПбГУ. Сер. 5. Экономика. 2015. № 1. С. 103–115.

2. Герасимов И. Российская ментальность и модернизация // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 63–73.

3. Дугин А. Евразийский путь как национальная идея. М.: Книга по требованию, 2002. 144 с.

4. Коростышевская Е.М. Инновационная составляющая экономической безопасности России // Инвестиции. 2014. № 6 (188). С. 34–38.

5. Коростышевская Е.М., Плотников В.А. Стратегия развития и целеполагание в региональной политике России // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. Вып. 3. С. 38–46.

6. Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М.: Росспэн, 1998. 264 с.

7. Макаров И.Н., Затевахина А.В. Институционализация системного управления развитием региональной экономики // Журнал правовых и экономических исследований. 2015. № 4. С. 119–123

8. Мельянец В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: Изд-во МГУ, 1996. 304 с.

9. Новиков А.В. Экономическое устройство России: ментальные предпосылки, специфика и природные условия // Гуманитарий юга России. 2016. № 1. С. 178–192.

10. Паикус В.Ю. Социально-культурная сфера как фактор повышения конкурентоспособности региона (на примере Санкт-Петербурга) // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 10. С. 346–352.

11. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. СПб.: Ювента, 1995. 477 с.

12. Шевелев А.А. Социальные и ценностные основания экономического роста: трансдисциплинарный институциональный анализ // Проблемы современной экономики. 2015. № 2 (54). С. 67–73.